

современного цикла, как и в предыдущих, уже начинают складываться контуры нового уклада [2].

В настоящее время среди ученых существует мнение, что шестой уклад наступит гораздо раньше 2035 г., и в скором будущем ожидается новый виток развития научно-технического прогресса.

Список литературы

- [1] Дьяков А. Ф. Состояние нестратегической энергетики в мире // Изв. АН. Энергетика, 2002. № 4. С. 13.
- [2] Иванова Н. И. Инновационная сфера: итоги столетия // МЭиМО. 2001. № 8. С. 22—34.
- [3] Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Н. Д. Кондратьев. Избр. соч. М.: Экономика, 1993.
- [4] Попель О. С. Перспективы развития возобновляемых источников энергии: обобщенные показатели // Энергия: экономика, техника, экология. 2007. № 3. С. 6—11.
- [5] Пространственные структуры мирового хозяйства / Под ред. Н. С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 1999. 420 с.
- [6] Ресурсы и эффективность использования возобновляемых источников энергии в России / П. П. Безруких, Ю. Д. Арбузов, Г. А. Борисов, В. И. Виссарионов, В. М. Евдокимов и др. СПб.: Наука, 2002. 314 с.
- [7] Синюгин О. А. Мировые инновационные процессы в энергетике // География инновационной сферы мирового хозяйства / Под ред. Н. С. Мироненко. М.: Пресс-Соло, 2000. 384 с.
- [8] Технологические уклады и закономерности их развития (<http://www.nns.ru/analit/eco/ppr23/html>)
- [9] Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
- [10] Янсен Ф. Эпоха инноваций. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М., 2002. 308 с.
- [11] Friedmann K. Regional development policy. Boston: Massachusetts Institute of Technology, 1996.
- [12] Kleinknecht A. Innovation patterns in crisis and prosperity: Schumpeter's long circle reconsidered. Hong Kong, 1987.
- [13] Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. W. The limits to growth. N. Y.: Universe books, 1972.
- [14] Mensch G. Stalemate in technology: innovation overcome the depression. Cambridge: Mass., 1979.
- [15] Mesarovic I., Pestel E. Mankind at the turning point. N. Y.: Dutton and Reader's digest press, 1974.

Котлас
Архангельская обл.

Поступило в редакцию
11 сентября 2007 г.

Изв. РГО. 2008. Т. 140. Вып. 5

© В. Е. БЫКАСОВ

НОВАЯ ВЕРСИЯ МАРШРУТА В. АТЛАСОВА ОТ АНАДЫРСКА ДО РЕКИ АЛЮТОРЫ

В 2007 г. исполнилось 310 лет со времени присоединения Камчатки русскими казаками под руководством пятидесятника В. Атласова. Юбилей по сравнению с недавним трехсотлетием этого события не очень знаменательный. И все же он дает повод поговорить о некоторых неточностях в истории открытия и освоения Камчатки, выявление которых и является целью предлагаемой статьи.

Из числа таковых неточностей в первую очередь можно отметить то, что практически все исследователи маршрут В. Атласова на участке от устья р. Пустой и до устья р. Тигиль прорисовывают вдоль самого берега моря. Хотя берег в этой части полуострова представляет собой сплошной обрыв, прерываемый лишь в устьях наиболее крупных рек: Подкагерной, Шаманки, Лесной, Паланы, Пятибратки, Кахтаны, Воямполки и Тигиля. И хотя во время приливов, достигающих здесь высоты 8—10 м, вода либо подходит к самому основанию скал, либо вообще заливают их, образуя частые непротопки. Так что эта часть берега абсолютно непроходима для оленьего каравана. Что и доказывается расположением всех транзитных троп в 15—20 км и более от морского

берега. И лишь в устьях названных рек (да и то, если там располагались поселки коренных жителей) тропы подходят поближе к берегу моря.

А вот и еще один пример неточности, связанный на этот раз с временной привязкой начала похода В. Атласова. Дело тут в том, что в одной из «Скасок» В. Атласова написано: «И после ясачного платежа в том же 205 году, по наказной памяти пошел он, Володимер, из Анадырского на службу великого государя, для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою великодержавною рукой в ясачном платеже не бывали» ([²⁷], с. 20). Но, во-первых, 7205 г. по русскому церковному календарю того времени соответствует 1697 г., исчисляемому по установленному Петром I с 1 января 1700 г., юлианскому летоисчислению. Во-вторых, новый год по старорусскому стилю начинался 1 сентября, а новый 1697 г. по юлианскому стилю — 1 января 7205 г., и тем самым при переходе на новый календарь начало года перескочило сразу через четыре месяца. И если не помнить об этой разнице в летоисчислении, то можно допустить серьезную ошибку в хронологии. Что, по-видимому, и произошло с академиком Л. С. Бергом, который, заявляя: «В. Атласов во главе 60 служилыми людьми и с 60 ясачными юкагирами отправился из Анадырска в начале 1697 г.» ([¹], с. 90), скорее всего, имел в виду начало 7205 г. Тогда как на самом деле отряд В. Атласова вышел из Анадырска в конце 1697 г. Точно такую же ошибку допустили и авторы книги «Русские землепроходцы и мореходы: Из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока», согласно которым «Отряд численностью в 120 человек (60 русских и 60 юкагиров) в начале 1697 г. выступил из Анадырского острога, перевалил на оленях через Корякский хребет и устремился на юг» ([¹], с. 55—56).

Несколько иная ситуация сложилась с предположением камчатского историка В. Д. Сергеева, утверждавшего, что: «Весной 1697 года Атласов вышел из острога с отрядом из 65 казаков и 60 юкагиров» ([²⁶], с. 40). В том смысле иная, что в данном случае автор, скорее всего, наоборот, прибавил четыре месяца к юлианскому календарю. Кстати, у В. Д. Сергеева появляется еще и другое число казаков, следующих с В. Атласовым.

Но об этом — о численности — поговорим попозже. А пока обращу внимание на досадный промах А. В. Ефимова, который по поводу начала похода пишет: «В. Атласов прибыл в Анадырь в августе 1697 г. и в этом же году отправился в поход на Камчатку» ([⁷], с. 123). Досадный как в том смысле, что в августе 1697 г. В. Атласов уже был на Камчатке, а в Анадырьск он прибыл полутора годами раньше — 29 апреля 1696 г. ([²³], с. 84), так и в том, что, приводя чуть далее надпись на кресте, установленном казаками в знак присоединения Камчатки к России, согласно которой событие это произошло «В 205 году, июля 18 дня...» (т. е. в июле 1697 г.), А. В. Ефимов поневоле утверждает, что В. Атласов сперва побывал на Камчатке, затем появился в Анадырске и вновь ушел на Камчатку.

Впрочем, все эти и подобные огрехи не идут ни в какое сравнение с совершенно фантастической интерпретацией реального исторического факта Е. П. Орловой, которая пишет: «Из Тигиля Атласов подал в Якутск челобитную с просьбой разрешить идти на Камчатку-реку и, получив разрешение, взял двух вожжей (проводников), оленей и с оставшимися людьми пошел на реку Камчатку» ([²²], с. 14). Дело тут в том, что это не В. Атласов писал челобитную в Якутск, а казаки отряда били (по обычаю того времени) челом царю через него: «И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему, Володимеру, служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними идти на Камчатку-реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою-рекою живут» ([²⁷], с. 22). И следовательно, ни у кого В. Атласов разрешения на поход к р. Камчатке не спрашивал. Да и не мог спрашивать, даже если бы захотел, ибо весь поход В. Атласова длился два с небольшим года. То есть, уточню, потому не мог спрашивать, что сам он от Камчатки до Якутска добирался, правда с полугодовой задержкой в Анадырском остроге, без малого полтора года. И потому на то, чтобы подобная просьба дошла до Якутска, понадобился бы целый год. Да еще один год потребовался бы на то, чтобы разрешение на поход прибыло обратно, в Тигиль.

Так что расставляю все точки над *i*: никак он не мог сидеть в Тигиле два года в ожидании разрешения, коль скоро он вообще был на Камчатке два года. Да и не было у него ни малейшего желания затевать эту переписку, ибо за ничегонеделание его уж точно бы привлекли к ответу. Как, кстати, привлекли бы к ответу и том случае, если бы он умолчал о челобитной, ибо в те времена за умолчание подобных вещей (вспомним знаменитое «слово и дело») наказывали с беспощадной суровостью.

И все же самой принципиальной, на мой взгляд, ошибкой многих исследователей является не столько даже искажение конкретных документов и фактов, сколько не совсем, скажем так, верное освещение ими целей и задач похода В. Атласова. Поскольку, говоря о продвижении русских служилых и промышленных людей «встречь солнцу», таковые исследователи акцент в оценке помыслов того же В. Атласова делают на «прииске новых земель». Например, известный историк Б. П. Полевой так и пишет: «Получив подробную информацию о камчатском походе Л. С. Морозко 1695—1696 гг., Владимир Атласов сразу же загорелся желанием организовать новый большой поход с целью присоединения к России всего великого южного полуострова» ([²⁴], с. 84).

Однако, вопреки этому и другим подобным мнениям, в основе устремления русских на Крайний Север и Северо-Восток стоял, простите за невольный каламбур, «шкурный» интерес. Шкурный как в прямом смысле, т. е. добывание для царской казны шкур ценных пушных зверей любым (охота, скупка, мена, ясак, грабеж и т. д.) доступным способом, так и в переносном — личное обогащение за счет пушнины. Впрочем, тут я «не открываю Америк», ибо эта мысль «о выдающейся роли торгового элемента в освоении Сибири» проходила красной нитью в исследованиях С. В. Бахрушина, Н. И. Никитина, М. М. Белова и многих других ученых.

Кстати, о том, что в результате таких походов действительно можно было обогатиться, свидетельствуют данные торговых операций и объемы изымаемого с коренного населения ясака, согласно которым в середине XVII в. торговля с Сибирью обеспечивала треть доходов царской казны ([⁷], с. 81). При этом даже рядовые казаки, которым в 1640 г. было разрешено заниматься после сбора ясака пушным промыслом и торговлей ([³], с. 48), могли заработать от нескольких десятков до нескольких сотен и даже первых тысяч рублей в год при официальном (для сравнения) годовом жалованье в 5 руб.

Впрочем, оставим пока тему ошибок и недоразумений в сторону и перейдем к реконструкции маршрута отряда В. Атласова. Но предварительно замечу, что походу В. Атласова предшествовал поход Луки Морозко и Ивана Голыгина. По поводу которого также существуют разногласия, вызванные либо невнимательным прочтением первоисточников, либо недоучетом того обстоятельства, что до 1700 г. в России новый год начинался с сентября, либо и тем, и другим, и третьим вместе.

Действительно, А. С. Сгибнев считал, что: «По приказу Анадырского прикащика Атласова, прибывшего туда в августе 1695 г., казак Морозко, посланный с 16 казаками для сбора ясака с коряк на р. Апуку, впадающую в Восточный океан, проник далеко на юг...» ([²⁵], с. 10). Этот же год, хотя и другого приказчика, называют и авторы монографии «История Чукотки с древнейших времен до наших дней», вышедшей под руководством и общей научной редакцией Н. Н. Дикова: «В 1695 г. анадырский приказчик Михаил Многогрешный направил в очередной поход на „коряцкую землю“ отряд во главе с казаками Лукой Морозко и Иваном Голыгиным. Отряд проник на Камчатскую землю, где на р. Апуке им было построено первое ясачное зимовье» ([¹⁰], с. 79). Этим же (1695—1966 гг.) временем датируют поход Л. Морозко Б. П. Полевой [²³] и М. И. Белов [²]. Кстати, сразу же обращаю внимание, что в данных и других работах «коряцкая» и «камчатская» земли нередко выступают как синонимы, с таковым отождествлением мы будем сталкиваться еще не раз.

Однако в противовес этой точке зрения известнейший исследователь народов Северо-Востока и Камчатки В. И. Иххельсон высказывается так: «В 1696 году Атласов, приказчик Анадырского острога, отправил отряд из шестнадцати человек под командой казака Луки Морозко на Камчатский полуостров, чтобы проверить слухи

о пушных богатствах. В следующем году Атласов предпринял поход сам. Он послал Морозко с отрядом к Беринговому морю, а сам двигался вдоль берега Пенжинской губы, собирая ясак у окланских, каменных, таловских коряков и захватил еще селение Палану и несколько других» ([8], с. 212).

Этой же даты придерживается и Л. С. Берг: «В 1696 г. из Анадырска был послан к корякам на р. Опуку (Опука впадает в Берингово море приблизительно под 62° с. ш.) якутский казак Лука Морозко» ([4], с. 90). По существу вторят ему и составители «Летописи Сибири»: «В 1696 г. казак Лука Морозко с отрядом, состоявшим из 16 казаков, нескольких промышленных людей и 40 юкагиров, из Анадырского острога был послан на р. Опуку (Апуку), чтобы принять в русское подданство местное население, жившее по ее берегам. Однако он не ограничился указанным районом, а пошел дальше. Следуя по западному побережью Камчатки, Морозко со своим отрядом дошел до р. Тигиль. По возвращении в Анадырский острог он доложил обо всем, что видел на Камчатке и что „до Камчатки реки не доходил один день для того за малолюдством служилых людей”» (Летопись Сибири. М., 1957, с. 101. Цит. по [1], с. 55).

То есть, как можно видеть, налицо явный разнобой во мнениях относительно начала похода Луки Морозко. И в немалой степени он был вызван тем, что С. П. Крашенинников по этому поводу высказывается так: «В 7204 году (в 1696 г. — В. Б.) послан от него (от В. Атласова. — В. Б.) был к Апукским корякам Лука Морозко в 16 человеках за ясашным збором...» ([18], с. 192). Но, как выяснилось в наше время в связи находками в архивах новых материалов, С. П. Крашенинников в этом вопросе ошибался, т. е. поход Л. Морозко начался все же в 1695 г.

Имеется разброс мнений и насчет того, кто же все-таки отсылал Луку Морозко на Камчатку: Михаил Многогрешный или В. Атласов. Хотя если Л. Морозко вышел из Анадыря в 1695 г., то послать его мог только М. Многогрешный. Обнаруживается несовпадение взглядов и в том, вместе ли с Атласовым в поход на Камчатку пошел Лука Морозко или он догнал отряд В. Атласова несколько позднее. По-прежнему остается непонятным: в «корякскую землю» или все же на Камчатку посылался Л. Морозко?

Тем не менее из всего сказанного, бесспорно, следует, что, во-первых, Л. Морозко не мог быть послан В. Атласовым, прибывшим в Анадырь в апреле (а не в августе) 1696 г. И что, во-вторых, именно данные Л. Морозко окончательно укрепили В. Атласова в его решении двинуться на Камчатку. Настолько укрепили, что на деньги, взятые в долг под огромные проценты, он организует собственную экспедицию на полуостров. Впрочем, опустим пока все подробности появления его замысла и подготовки к походу (тем более что все это достаточно полно и достоверно осуществлено другими исследователями) и перейдем к заявленной в заголовке теме.

Итак, как считает М. И. Белов ([2], с. 101), В. Атласов, собрав 60 служивых и промышленных людей и 60 ясачных юкагиров, 16 декабря 1696 г. (т. е. все же в 7205, а не в 7206 г.) вышел из Анадырского острога. «И шли де они из Анадырского чрез великие горы на оленях в полтретьи недели (две с половиной недели. — В. Б.) и наезжали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и в Каменском и в Усть-Пенжинском острожках на сидячих пеших коряк ста с три и больши, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и с приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служилыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи» ([27], с. 20).

Я намеренно привожу столь длинную выдержку из подлинного документа, ибо она помогает прояснить некоторые существенные моменты, связанные с походом В. Атласова. К числу которых, например, относится тот факт, что после Каменского в отряде В. Атласова число служилых людей сократилось как минимум на три человека, с которыми, возможно, ушло еще и 2—3 юкагира с оленями.

Ну а теперь попробуем прояснить, по какой причине казаки с самого начала своего маршрута пошли «чрез великие горы», хотя от р. Анадыри до р. Пенжины вполне можно было пройти по долинам их притоков (рек Майн и Белая соответственно), минуя наиболее высокие горы этой части маршрута, и хотя казаки, как известно, не любили ходить через горы.

Причин тут несколько. Во-первых, на оленях предпочтительнее передвигаться именно по возвышенным местам, нежели по долинам рек, так как, с одной стороны, сильные ветры сбивают здесь снег в наст, по которому оленям бежать гораздо легче, а значит и передвигаться можно многим быстрее, чем по более рыхлому и глубокому снежному покрову речных долин, и с другой — на выдуваемых поверхностях горных склонов, к тому же изначально более богатых ягелем, чем речные долины, оленям не надо было сильно и долго копытить снег, чтобы добраться до корма. И следовательно, они меньше уставали, быстрее насыщались, больше отдыхали и потому могли бежать с большей скоростью. А ведь, как известно, В. Атласов торопился. И торопился не только потому, что его мог остановить новый анадырский приказной Григорий Постников (а таковая попытка действительно была предпринята), но и потому, что ему необходимо было как можно быстрее добраться до р. Камчатки, ибо ясак (пушнину) с наибольшим успехом можно было собирать именно зимой, когда шкурки пушных зверей имеют максимальную сортность и высокую товарную ценность.

Во-вторых, избранный казаками вариант маршрута пролегал по кратчайшему пути из бассейна р. Анадыри в бассейн р. Пенжины, проложенному оленными коряками. Не случайно же в наши дни именно к этой части маршрута отряда В. Атласова оказался приуроченным зимник, связывающий современный пос. Марково, недалеко (около 30 км) отстоящий от бывшего Анадырского острога, с нынешними селами Корякии: Слаутным, Окланом и Каменским.

Но каким образом пролегал в этом случае маршрут отряда В. Атласова и что это за «великие горы»? Горы эти — Русские. Правда, абсолютные их высоты невелики: от 500—600 (в среднем) до 1109 м. А перевал Модинский через эти горы и перевал Налгимский Словутных гор, через который проходит путь из бассейна р. Анадыри в бассейн р. Пенжины, и того ниже. Однако в условиях крайне суровой зимы и практически полной полярной ночи казакам, которые, повторюсь, очень не любили ходить по горам, они показались далеко не малыми.

Свалившись в долину р. Пенжины, отряд достиг сперва Аклана, а затем и Каменского. При этом весь путь от Анадырска до Каменского занял у отряда 2,5 недели. Данный факт не вызывает ни малейших сомнений, поскольку этот срок указан самим В. Атласовым (см. выше). Казалось бы, не должен вызывать сомнения и названный маршрут отряда, ибо он также указан самим В. Атласовым. Однако многие исследователи, кроме, пожалуй, Л. С. Берга (рис. 1), привязывают эту часть маршрута атласовцев к долинам рек Майн (правый приток р. Анадыри) и Черной (левый приток р. Пенжины). А некоторые из них, например Д. М. Лебедев ([¹⁹], с. 76), и вовсе прорисовывают путь отряда от устья реки Майн, расположенного ниже Анадырска, к долине р. Ваеги (приток Майна) и затем к долине и к устью р. Пахачи (рис. 2), т. е. мимо р. Пенжины и корякских острожков в ее устье. Примерно также, но еще более схематично (рис. 3) очерчивает эту часть маршрута казаков и В. И. Воскобойников ([⁶], с. 41).

Так что я ничуть не преувеличивал, когда говорил, что многие исследователи излишне вольно трактуют реальные исторические документы и факты, хотя и согласен с мнением Г. Миллера о том, что по р. Майн пролегла еще одна дорога на реки Алютору (Олютору — ныне Вывенку) и Пахачу ([¹²], с. 137; [³⁰], с. 18).

Однако вернемся к нашим казакам: каким путем отряд В. Атласова шел от устья Пенжины к р. Алюторе? Вариантов тут несколько. Согласно первому из них, предложенному еще С. П. Крашенинниковым, от устья р. Таловки отряд самого В. Атласова последовал вдоль западного побережья Пенжинской губы вплоть до р. Паланы и далее. Вот как об этом пишет сам С. П. Крашенинников: «После того (после достижения Усть-Таловского острожка. — В. Б.), как сказывают, разделил он (В. Атласов. — В. Б.) партию свою на двое, половину послал на Восточное море под командою Луки Морозки, а с другою сам по Пенжинскому морю следовал. На Паллане изменили ему союзники его юагири, 3 человека служивых убили, да 15 человек и его Атласова ранили» ([¹⁸], с. 193).

С одной стороны, С. П. Крашенинников допускал возможность движения части отряда напрямую от устья р. Пенжины к р. Алюторе. И в то же время, с другой — он оши-

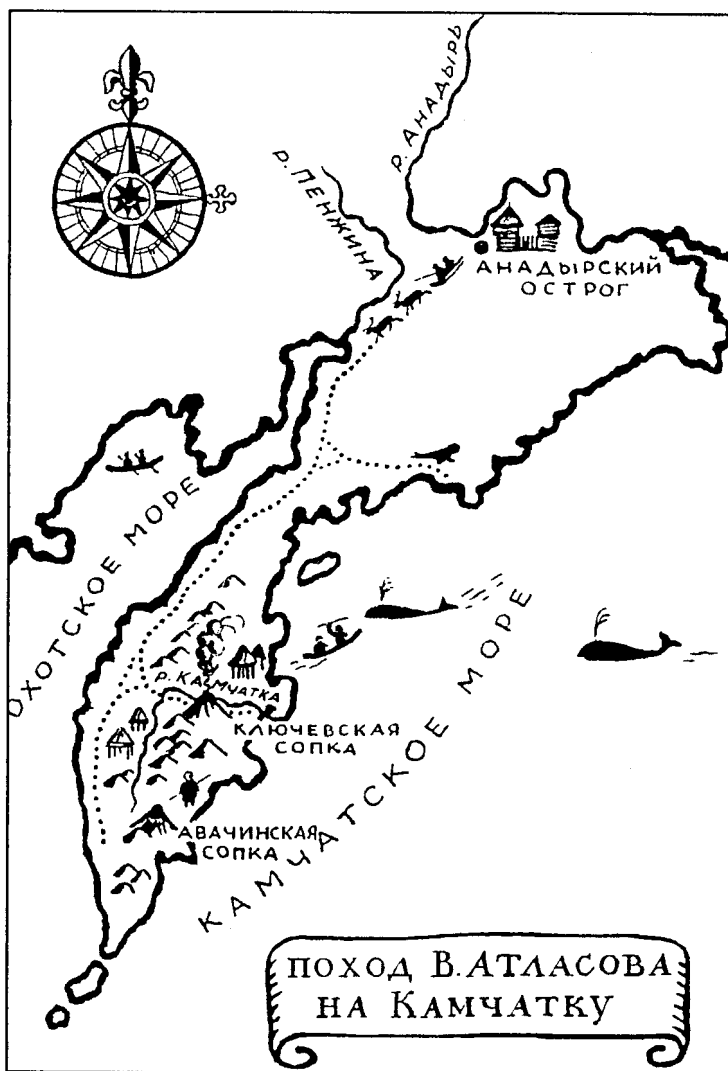

Рис. 1. Картохема движения отряда В. Атласова, по Л. С. Бергу ([3], с. 68).

бается в главном: в том, что отряд разделился еще в районе устья р. Пенжины. Вернее, не будучи в силу ряда причин знаком со «Скасками» В. Атласова (о чем можно судить по его же собственным словам — «как сказывают»), он при оценке похода В. Атласова исходил из слухов, так как подлинных свидетелей похода В. Атласова, а тем более его участников к тому времени уже не было. Ошибается, кстати, он и в том, что возле Паланы было убито 3 казака — на самом деле там было убито 6 чел.

О том, что он действительно ошибается, свидетельствует и показание В. Атласова: «И от того острожка (олюторского. — В. Б.) отпустил он, Володимер, 30 человек служилых людей да 30 юкагирей подле Люторского моря, для проводывания той земли и островов и для призыву под царскую великодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежем» ([27], с. 21), т. е., подчеркну лишний раз, коль скоро именно подле Люторского моря, а не к Люторскому морю пошел после раздела отряд Л. Морозко, то все-таки на р. Олюторе разделился отряд, а не на р. Пенжине. Тем более что слова эти сказаны после упоминания о том, что единый отряд вышел к «люторским корякам».

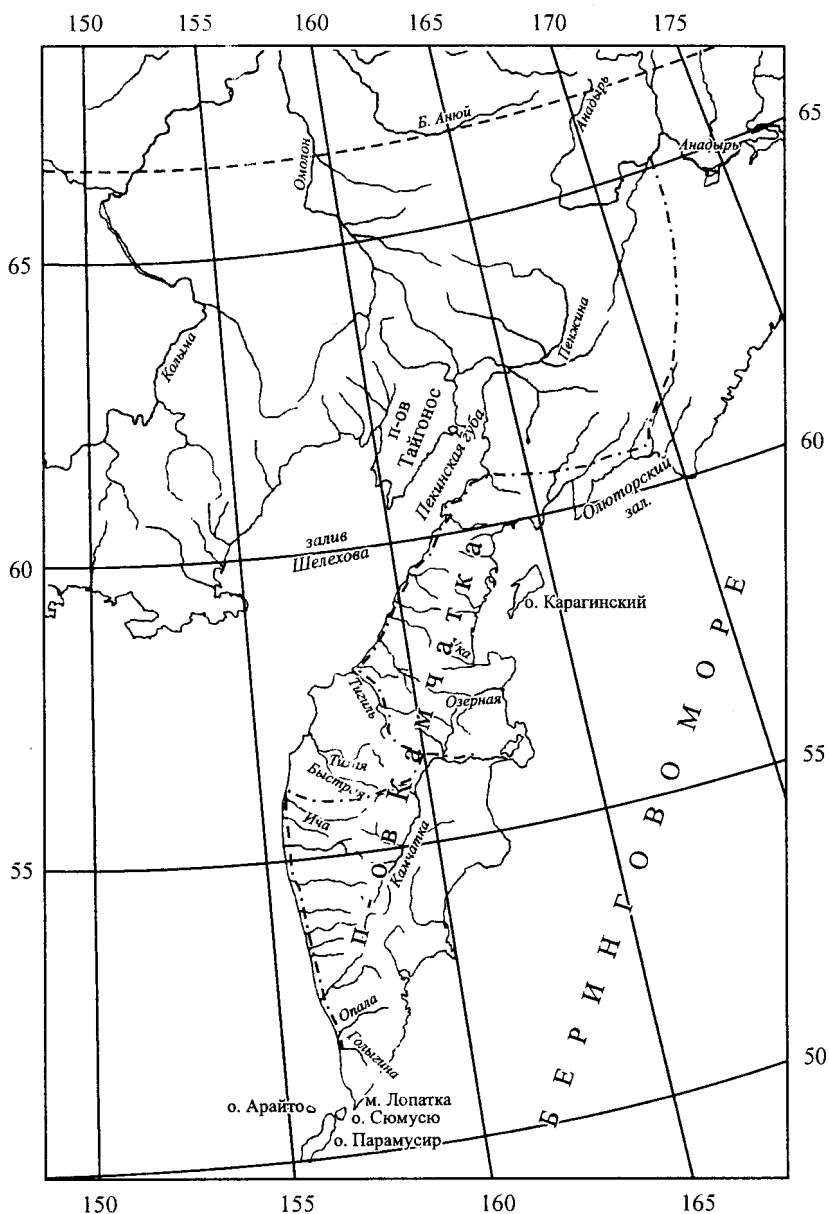

Рис. 2. Картограмма движения отряда В. Атласова, по Д. М. Лебедеву ([19], с. 77).

Но продолжим о маршруте от устья р. Пенжины. Варианта движения единого отряда от устья р. Пенжины на юг, к полуострову, придерживался академик Л. С. Берг ([5], с. 53), который предполагал, что отряд В. Атласова, в едином составе двигаясь от устья р. Таловки вдоль побережья Пенжинской губы (вдоль западных предгорий Пенжинского хребта по долинам рек Таловки и ее левого притока р. Айпына), вышел к южной оконечности этого хребта в районе примерно Маметчинского залива. Там он резко повернул на восток, пересек Парапольский дол и вышел к «люторскому морю» (рис. 1).

В пользу этого варианта говорит то, что если бы атласовцы действительно вышли на южную оконечность Пенжинского хребта, то они увидели бы прямо перед собой ровное, пустынное пространство Парапольского дола, пересекать которое в южном

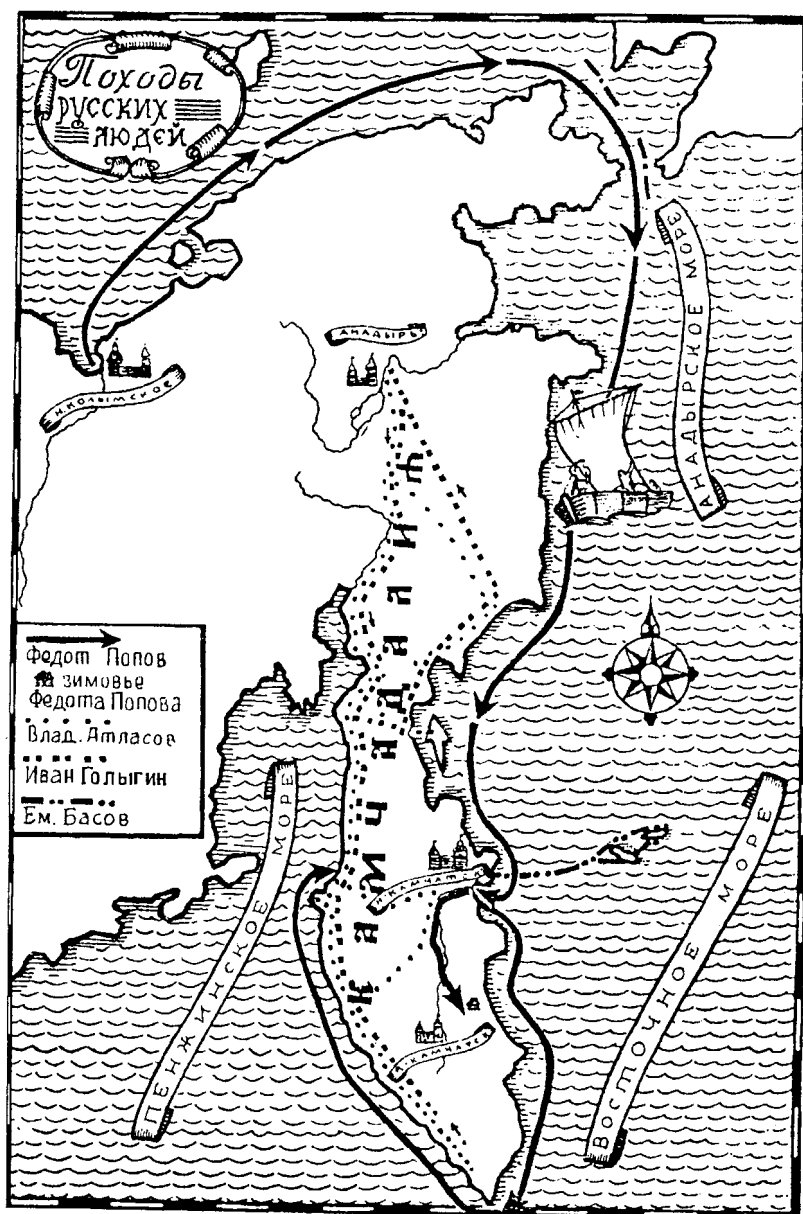

Рис. 3. Картосхема движения походов русских людей, по В. И. Воскобойникову ([6], с. 41).

направлении при постоянно дующем в этой местности очень сильном ветре и при этом без всякой надежды найти приют в стойбище аборигенов нужды не было, так как подлинной целью отряда было объяснение местных жителей, а к таковым и скорее и легче можно было попасть, следуя по тропе, проложенной коряками от залива Мамета к долине р. Куйвиваям, затем к долине р. Ветроваям (правый приток р. Вывенки) и, наконец, к устью р. Вывенки.

Кстати, по этой тропе ездил, спустя два века, отец Нестор, когда он, следуя от Гижиги через Тайгоносский полуостров и Пенжинскую губу, сперва попадал в корякский острожек Мамет, а затем выходил к Тиличикам [21]. Тем не менее даже эти обстоятельства не доказывают подлинности такого варианта движения отряда. Особенно учиты-

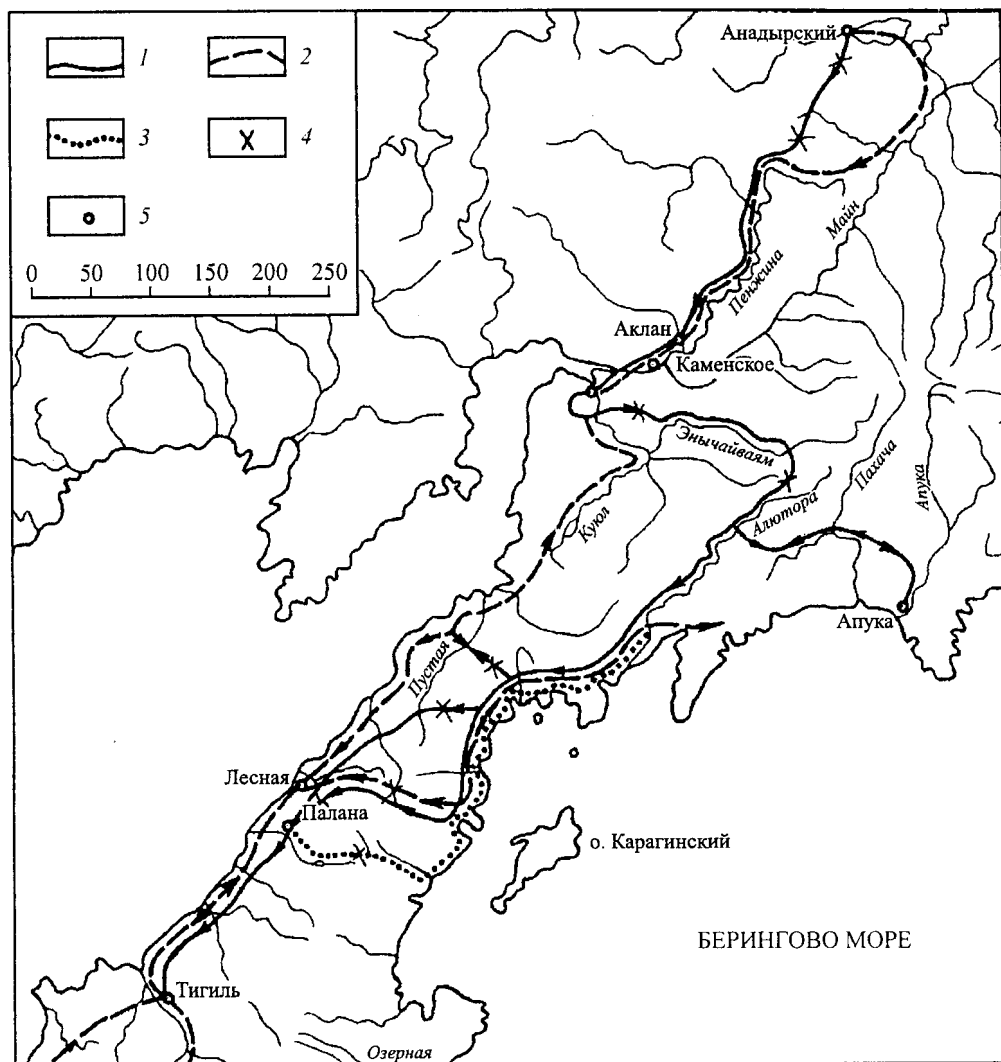

Рис. 4. Картохема походов отрядов В. Атласова и Л. Морозко к р. Тигиль в 1697 г.

1 — по автору, 2 — по историко-географическому атласу ([11], с. 19), 3 — по Е. П. Орловой от Паланы к р. Алюторе ([22], с. 14), 4 — перевалы, 5 — острожки.

вая то, что, согласно схеме Л. С. Берга, обратно на восточное побережье Пенжинской губы отряд вернулся той же дорогой в полном составе (рис. 1), а это совершенно не соответствует реальности.

В силу этих и, возможно, некоторых других причин составителями историко-географического атласа Камчатки ([11], с. 19) была предложена несколько иная модификация продвижения отряда на участке от устья р. Пенжины до устья р. Алюторы. В соответствии с их точкой зрения от Усть-Таловки отряд, следуя по долине р. Таловки, вышел на Парапольский дол, где он резко повернул к югу и пошел по долу вдоль р. Куюл и далее вплоть до западного побережья полуострова (рис. 4). Здесь, примерно в 60 км к югу от устья р. Пустой, он повернул к р. Анапке и, выйдя в ее устье на восточное побережье, двинулся по нему к р. Алюторе (рис. 4).

Вообще-то таковой вариант движения не исключается. Однако есть как минимум два соображения, которые вызывают серьезные сомнения в том, что В. Атласов избрал именно этот путь. Во-первых, в те времена на всем Парапольском долу не было посто-

янных поселений. «Дальше на пустынном Рекинниковском (Парапольском) доле встречаются только редкие кочевья коряков-чавчуенов. По Парапольскому долу можно ехать 2—3 дня подряд, не встретив ни единого стойбища, ни единого ездока. О поселках и говорить не приходится», — пишет известный знаток жизни и быта коряков этнограф С. Н. Стебницкий ([²⁹], с. 26).

А ведь надо постоянно помнить, что главной, если не единственной, задачей В. Атласова как высшего представителя великодержавной власти на северо-востоке России (да и как частного заинтересованного лица) было приведение «под высокую государеву руку» и объясачивание коренного населения, а не просто открытие «новых земель». К тому же казаки и юагиры постоянно нуждались в пище, которую они могли достать только в поселках аборигенов, обменяв ее на ножи и бусы, а то и попросту отняв, что частенько и происходило: «А идучи в Камчадальскую землю и из Камчадальской земли питались они оленями, которые полонили они у иноземцев, и рыбою, которую они имали у иноземцев, а иную рыбу сами ловили сетью, которые взяты были с ними из Анадырского зимовья» ([²⁸], с. 26).

Не стоит забывать и того, что ко времени похода В. Атласова эта часть территории уже более или менее была известна казакам и потому атласовцы об отсутствии на Парапольском долу постоянных поселений знали. И уж, безусловно, знали об этом как «вожи», нанятые В. Атласовым либо в Каменном, либо в Усть-Пенжинском острожках, так и Лука Морозко с Иваном Голыгиным, догнавшие к тому времени В. Атласова.

Во-вторых, следуя вдоль р. Куял, В. Атласов, коль скоро его вели знающие «вожи» и целью отряда было скорейшее достижение «люторских острогов», вряд ли решился бы проскочить тропу, проложенную, как уже говорилось выше, от Маметчинского залива к р. Алюторе. А тем более ту тропу, которая от Рекинниковской губы выходила, пересекая Парапольский дол севернее перешейка, к горам Камлилькынтынуп (к самой южной, выходящей к перешейку части Ветвейского хребта) и через Малетойва-ямский перевал Ветвейского хребта следовала к устью р. Алюторы.

Так что вряд ли В. Атласов, зная об отсутствии на Парапольском долу постоянных поселений, испытывая дефицит времени и, главное, стремясь в первую очередь попасть именно к «люторским острогам» для сбора ясака, предпочел прямой путь к р. Алюторе изрядному крюку через перешеек.

Впрочем, давайте рассмотрим район перешейка более пристально. Да действительно наиболее узкое, низкое и ровное место между Охотским и Беринговым морями приурочено к перешейку, соединяющему п-ов Камчатку с материком. Тем не менее версии о пересечении отрядом самого перешейка в направлении с запада на восток (и обратно) никто из известных мне исследователей, в том числе и составители упомянутого атласа «Камчатка», не выдвигал. И это далеко не случайно, так как в силу природных особенностей данной части Парапольского дола таковое мероприятие в зимних условиях относится к разряду экстремальных.

Вот что пишет по этому поводу С. Н. Стебницкий: «На суровость климата сильное влияние оказывает северный ветер, который дует в течение почти всей зимы. Благодаря этому очень суров климат не только Парапольского дола в южной части Пенжинского района, но и в местах расположения таких поселков, как Кичига, Тымлат, лежащих поблизости от Анапского дола, находящегося в самом узком месте Камчатского перешейка. Он представляет собою нечто вроде трубы, через которую постоянно прорывается поток северного ветра. Даже тогда, когда на окрестных тундрах стоит тихая погода, в долине рек Анапки (восточное побережье) и Рекинниковской (западное побережье) дует ветер.

А если на окрестных тундрах ветрено и „идет поземка“, т. е. ветром несет снег, то через Анапку уже не едут. Подъедут к Анапкиному долу, влезут на холм и смотрят, не слишком ли рискованно ехать. На Анапке постоянно пурга. Она не так страшна, если метет только снег, лежащий на земле. Но если к тому же прибавляется снег, падающий с облаков, то ехать через Анапку, безусловно, рискованно. Ветер бывает очень сильный.

Был случай, когда целое стадо оленей снесло в море. Пастухи пасли оленей, дул сильный северный ветер со снегом, была пурга. Олени и пастухи невольно уклонялись в сторону от ветра и попали на морской лед. Лед был скользкий, оленей понесло по льду, и все стадо вскоре оказалось у края льда. Олени попадали в воду и утонули» ([29], с. 22).

Надо думать, что составители историко-географического атласа «Камчатка», привязывая начало поперечной части маршрута В. Атласова не к самому перешейку, а южнее, к месту, расположенному на западном побережье полуострова, примерно в 60 км к югу от устья р. Пустой, также учитывали эти природные обстоятельства. Однако, прочерчивая путь отряда через северные отроги Срединного хребта к устью р. Алюторы, они, как мне представляется, в большей степени отталкивались от следующих слов В. Атласова: «...и от того *Камчатского носа*, по скаскам иноземцов вожей, пошли они через *высокую гору* (курсив мой. — В. Б.) и пришел к люторским острогам» ([27], с. 20). То есть они, скорее всего, понятие «Камчатский нос» интерпретировали как синоним понятия «Камчатский полуостров». И на этом основании привязали начало непосредственного продвижения отряда к восточному побережью не к Парापольскому долу, и даже не к самому перешейку, а к «высоким горам» северной части полуострова (рис. 4), не обратив при этом внимания на то, что в этом случае отряд казаков сперва должен был пересечь перешеек по западному побережью, затем выйти на восточное побережье полуострова, вновь пересечь перешеек, достичь, двигаясь на северо-запад от него, р. Алюторы и тем же путем вернуться на западное побережье полуострова. А ведь в «Скасках» В. Атласова о таковом «зигзаге» нет ни слова.

К тому же, проводя столь прямую параллель между этими двумя, совершенно разными, географическими объектами, они упустили из виду, что в те времена, начиная от М. Стадухина и вплоть до С. П. Крашенинникова (да и позже), Камчатским носом обычно именовали пространство, которое, простираясь от устья р. Пенжины к югу, располагалось напротив п-ова Тайгонос, а не собственно Камчатский полуостров, как таковой. Хотя часть северо-западного побережья полуострова с Тайгоноса действительно просматривается.

Не учли они и того, что казаки и вольные люди того времени еще не знали о том, что Камчатка — это самостоятельный полуостров, однако о географии района Парापольского дола и бассейнов рек Алюторы и Пахачи они знали гораздо больше того, что они докладывали начальству и (или) писали в своих «Скасках» и донесениях. Или, если сказать более определенно, они не учли того, что В. Атласов, многое зная об этой местности от своих предшественников, имея в составе отряда «вожей» из местных жителей, и, главное, уже побывавших в тех местах Л. Морозко и И. Голыгина, ни в коем случае не стал бы делать столь презрительный крюк на пути к «люторам».

Именно не учли, о чем, в частности, свидетельствует предположение одного из составителей вышеназванного атласа «Камчатка» Б. П. Полевого, согласно которому отряд В. Атласова, следуя от Каменского по западному побережью Пенжинской губы, дошел по нему до р. Лесной, по ее долине подошел к перевалу на р. Карагу и затем по долине этой реки вышел (по словам Б. П. Полевого ([24], с. 86)) на восточное побережье полуострова в самом его узком месте к «люторским корякам». Хотя уже С. П. Крашенинников считал самым узким местом Камчатки именно камчатский перешеек ([14], с. 69).

Впрочем, это не единственная ошибка Б. П. Полевого при описании маршрута В. Атласова. Удивительно, но, говоря о проходе атласовцев через долины рек Лесной и Караги, историк явно не замечает, что в этом случае отряд вышел бы не к «люторским острогам», как он утверждает, а к карагинским. Как не замечает он и того, что, следуя по восточному побережью полуострова от р. Караги к корякам, обитающим на р. Олюторе, отряд вторично бы перешел через перешеек. Ну и, наконец, не замечает он и того, что при таковом раскладе отряд самого В. Атласова после разделения должен был вновь выйти от р. Олюторы на восточное побережье Пенжинской губы и тем самым описать огромный круг. Или столь же огромный зигзаг от р. Лесной до р. Олюторы и обратно, если бы он от р. Олюторы выходил на западное побережье по своему же

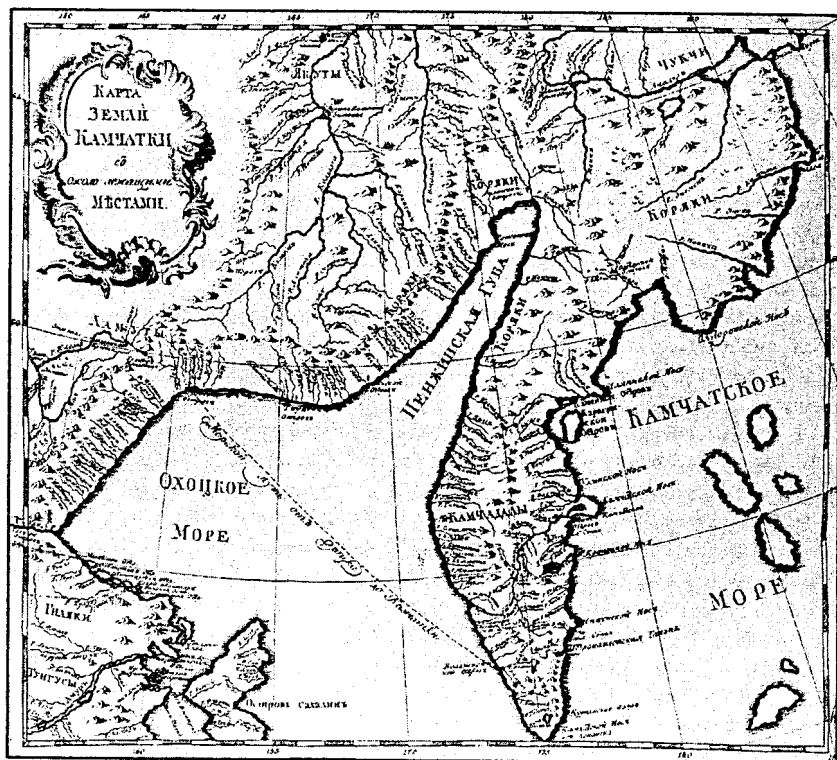

Рис. 5. Карта Земли Камчатки с около лежащими местами. Из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова [12].

следу, т. е. сперва к реке Караге, а затем к р. Лесной. Но обо всем этом ни у В. Атласова, ни у самого Б. П. Полевого нет ни слова.

Впрочем, он был далеко не единственным, кто так необъяснимо заблуждался в географии полуострова. К примеру, Е. П. Орлова ([22], с. 14), говоря об этой же части маршрута отряда В. Атласова, писала: «Оттуда (от Усть-Таловки. — В. Б.) ехали они две недели подле моря и где-то возле Паланы перевалили через „высокую гору“ и попали в район Олюторки» (рис. 5), настолько исказила эту самую географию, что впору только разводить руками. Ибо мало того, что она в этом своем мнении некритично отнеслась к данным С. П. Крашенинникова о том, что отряд В. Атласова двигался по западному побережью Пенжинской губы от Усть-Пенжины до Паланы (см. выше), так ведь она еще и не увидела того, что р. Олюторка располагается далеко за пределами полуострова. А потому казаки, пересекши полуостров, никак не могли попасть в район Олюторки — до нее еще надо было бы идти около 300 км. Не заметила она и того, что если путь от Анадырска до Каменского (325 км по прямой) занял у отряда В. Атласова 2.5 недели, то на весь путь от Каменского перевалка (225 км от Каменского до перевалка, плюс 275 км от перевалка до низовьев р. Паланы, плюс 150 км от Паланы до восточного побережья плюс 175 км оттуда до перевалка и плюс еще 100 км от перевалка до устья р. Олюторы) казаки потратили всего 2 недели. Что в принципе невозможно. Кстати, не заметили этого последнего обстоятельства и составители атласа «Камчатка», и Б. П. Полевой.

Так что мне остается лишь выразить сожаление по поводу этих ошибок и предложить свой вариант движения казаков. Но почему предлагается еще один, и совершенно новый, вариант движения отряда В. Атласова от р. Пенжины к р. Олюторке? Да прежде всего потому, что всех вышеперечисленных нестыковок и заблуждений можно избежать, если предположить, что от р. Пенжины В. Атласов решил направиться не к само-

му полуострову, а сразу же к р. Алюторе (рис. 4). Уместно ли такое предположение, и насколько? На мой взгляд, вполне. Особенно если принять во внимание некоторые обстоятельства.

Напомню, во-первых, в поход В. Атласов отправился без разрешения якутского воеводы, а за это можно было очень серьезно поплатиться. Во-вторых, достигнув Аклана и Каменского, В. Атласов, вопреки закону того времени, предписывающему брать дань с одних и тех же острогов раз в два года, вновь обложил ясаком пенжинских коряк, годом ранее уж обьясаченных Михаилом Многогрешным ([¹⁰], с. 79; [²⁰], с. 68). За что также пришлось бы отвечать — во всяком случае, новый анадырский приказной Григорий Постников, узнав об этом произволе из жалобы коряк, во второй раз попытался вернуть В. Атласова, дабы тот не натворил новых бед. Так что только достаточное количество привезенной пушнины — победителей не судят — могло заглядеть вину В. Атласова, и он, человек недюжинного ума, прекрасно это понимал. В-третьих, дойдя до Усть-Таловского острога, т. е. действительно пройдя немного «подле моря», В. Атласов убедился (как раньше в этом же убеждались и казаки, посещавшие северные и восточные берега Пенжинской губы), что на ее безлесном побережье пушного зверя, прежде всего соболя, нет. В-четвертых, хотя он и знал из донесений Луки Морозко о наличии пушных зверей на самой Камчатке, абсолютно уверенным в успехе своего предприятия на полуострове он быть не мог. И наконец, в-пятых, время также работало против В. Атласова, ибо повторный сбор ясака с пенжинских коряк потребовал у него готовых к такому повороту событий жителей долины р. Пенжины времени для добычи нужного количества пушнины. Притом что и нашлось-то это время лишь после того, как В. Атласов силой вынудил коряков заняться дополнительным промыслом пушного зверя. А на это опять же понадобилось время.

Вот отчего В. Атласов и решил подстраховаться, т. е. когда Лука Морозко и Иван Голыгин (которые 23 февраля 1697 г. «сдали» Анадырский острог Григорию Постникову и по приказу последнего последовали за В. Атласовым, дабы вернуть его в Анадырьск) догнали его отряд ([²⁰], с. 68), то пятидесятник, убедившись на деле, что на избранном им пути ни людей, ни пушных зверей нет, повернул, дабы не рисковать головой, к обьясаченным в 1695 г. Лукой Морозко (и по его же, надо полагать, подсказке) «люторским корякам», чтобы хоть с них, и на законных при этом основаниях, собрать ясак.

Кстати, тот факт, что Л. Морозко и И. Голыгин, вышедшие из Анадырьска через два с лишним месяца после В. Атласова, догнали его в устье р. Пенжины (или Таловки), лучше любых других доводов доказывает мое предположение о существовании — до середины или даже до конца марта — задержке отряда атласовцев в районе Каменского. Равно как и предположение о далеко не мирном характере взаимоотношений его отряда с местным населением.

Но все же самой главной причиной резкого поворота атласовцев к «люторскому морю» оказался тот самый «шкурный», как было сказано выше, интерес казаков. Ибо всем им, включая и шедших вместе с ними ясачных юкагиров, в первую и главную очередь нужна была пушнина. А на пути вдоль (подле) моря или по Парापольскому долу добыть ее было невозможно. Хотя, конечно же, сыграли свою роль, как уже говорилось, и погодные условия прибрежной территории (постоянные и очень жестокие пурги), и достоверное знание прямого пути в Олюторскому морю.

Казалось бы, что этому предположению противостоит свидетельство самого В. Атласова: «И от тех до острогов (Каменного и Усть-Пенжинского. — В. Б.) поехал он, Володимер, с служилыми людьми в Камчатский нос и ехал на оленях подле моря 2 недели, и от того Камчатского носа, по скаскам иноземных вожей, пошли они через гору и пришел к люторским острогам, к иноземцом к люторам...» ([²⁷], с. 20).

Но это только казалось бы. Ибо «поехал... в Камчатский нос» — вовсе не означает, что он действительно сперва «приехал» в этот самый «нос» (если, конечно же, понимать под носом собственно полуостров), а уж только потом повернул к «люторским острогам». К тому же, напомню еще раз, Камчатский нос и Камчатский полуостров с географической точки зрения объекты совершенно разные, хотя с Тайгоноса и про-

сматривается часть полуостровного побережья. Так что движение к Камчатскому носу вовсе не означает, как считают, например, составители атласа «Камчатка», что атласовцы сперва достигли полуострова и только затем повернули на восток.

Что же касается высказывания В. Атласова о движении «подле моря», то оно, скорее всего, говорит о том, что он (и с полным на то основанием) был убежден в том, что к Алюторке можно было попасть, обойдя Камчатский нос вдоль берега. И это предположение тем более вероятно, что он не знал подлинных размеров этого самого носа. А тем самым, следуя к р. Алюторе, он вполне закономерно считал, что в конечном счете следует «подле моря». Не говоря уже о том, что словосочетание «подле моря» вовсе не означает — вдоль самого берега моря.

Кстати, выше уже упоминалось о том, что на путь от Усть-Таловки до р. Алюторы отряд Атласова затратил две недели, тогда как на продвижение по маршруту от Анадырска до Каменского казакам пришлось потратить две с половиной недели. И это обстоятельство свидетельствует в пользу варианта прямого движения к р. Алюторе. Тем более что основным сдерживающим фактором движения оленного каравана является не столько длительность светлого времени суток (хотя и это тоже), а постоянная необходимость предоставления оленям длительного периода на отдых и питание. Ибо, как подчеркивает С. Н. Стебницкий, стоило всего лишь два дня не дать оленям отдыха, как они либо останавливались и отказывались идти дальше, либо попросту падали от усталости.

Ну а чтобы лишний раз убедить моих возможных оппонентов в том, что атласовцы действительно пошли короткой (хотя и не идеально прямой) дорогой к «люторским острогам», обращаю их внимание на буквально аналогичную ситуацию, сложившуюся при движении отряда В. Атласова от р. Кыгыл (Тигиль) к р. Камчатке. Ситуацию, подчеркну, изложенную самим В. Атласовым практически теми же самыми словами, которые говорились им по поводу движения отряда от р. Пенжины: «...взяв вожев двух человек, пошел с служилыми людьми и остальными ясачными юкагирами, которые не в измене, подле моря на оленях и дошел на Камчатку реку» ([²⁷], с. 22). То есть совсем в другую сторону, оказывается, попал отряд, следуя «подле моря» от Тигиля. Но чем, позволительно спросить в таком случае, движение отряда от р. Пенжины до р. Алюторы отличается от его же движения от р. Тигиля к р. Камчатке?

Впрочем, о том, как, каким путем попал В. Атласов на р. Камчатку, следуя от Тигиля, речь пойдет в другой раз. А пока обращаю внимание на замечание Б. П. Полевого о том, что на «Чертежу вновь Камчадальской земли и моря», созданном картографом С. У. Ремезовым при содействии с В. Атласовым в 1700 г., маршрут отряда казаков, нанесенный пунктиром, от р. Пенжины резко поворачивает к «губе Люторской» ([²⁴], с. 97—98). Обращу по той простой причине, что этот факт (неоднократно отмеченный многими историками, например А. В. Ефремовым) однозначно свидетельствует в пользу того, что все-таки к р. Алюторе, а не к полуострову пошли казаки от устья р. Пенжины. И очень жаль, что явная предубежденность («самое узкое место полуострова расположено напротив острова Карагинского») так и не позволила именитому историку увидеть того, что к «люторским острогам» отряд В. Атласова двигался не по восточному побережью Пенжинской губы, а по тропе, наезженной местными жителями через северную часть Паропольского дола.

Относительно же самого по себе выражения «подле моря» стоит еще раз заметить, что далеко не всегда следует слова В. Атласова, да и всех прочих первопроходцев, воспринимать буквально. Особенно учитывая давность лет, разность менталитетов и отсюда совершенно различные способы выражения и восприятия мыслей. Вот и в данном случае выражение «шел подле моря» означает всего лишь место начала пути, а «пришел к олюторам (к Камчатке-реке)» — его конец. И не более того.

Не стоит забывать и того, что, диктуя свои «Скаски» спустя 3 и 4 года после начала похода, пятидесятник не столько забыл кое-какие детали, сколько сознательно многое утаивал, как сознательно же многое — численность местного населения полуострова, например — преувеличивал. Не говоря уже о том, что вспоминал он прошлое не в строгой хронологической последовательности и далеко не всегда при этом привязывал

свои конкретные дела и шаги к конкретным же местам и времени. Ну а самое главное, надо всегда помнить о том, что при всех своих отрицательных качествах человек он был ума недюжинного и прекрасно знал не только то, что надо говорить, а чего нет, но и то, кому и что хочется услышать. А слышать в Якутске, Тобольске и Москве хотели о самой Камчатке, а не о тех или иных нюансах передвижения отряда на пути к ней. И потому опускал все подробности движения «подле моря».

Впрочем, вернемся к пути до «губы Люторской». Итак, предлагаемый мною вариант маршрута начинался от устья р. Таловки, а точнее, от Усть-Пенжинского (Усть-Таловского) острожка, как пишет сам В. Атласов ([27], с. 20), куда отряд действительно попал, двигаясь «подле моря». Однако пройдя «подле моря» (возможно, и несколько далее Усть-Таловского острожка) и убедившись, что, кроме голых сопок, на пути ничего нет, отряд повернул к найденной тропе, выходящей по р. Харитоня к перевалу через Пенжинский хребет (рис. 4), т. е. через тот самый хребет, который В. Атласов именует «высокими горами», пройдя через которые атласовцы вышли к «люторским острогам». Не слишком ли далеко эти горы расположены от р. Алюторы? Да всего лишь чуть более чем в 250 км, если мерить по тропе. Для сравнения Срединный хребет, выдаваемый за таковые вот «высокие горы» авторами уже не раз упоминаемого атласа «Камчатка» Б. П. Полевым и Е. П. Орловой, лежит на расстоянии около 175 км (по прямой) от нынешнего с. Хаилино и около 125 км (по прямой же) от устья р. Алюторы. Так что не так уж и далеко.

Что же касается вероятности прохода через теснину долины р. Таловки (как это предполагают составители атласа «Камчатка», рис. 4), которая прорезает Пенжинский хребет, то этому воспрепятствовал бы целый ряд причин. Во-первых, отсутствие в зажатой между гор долине оленьих пастбищ. Во-вторых, наличие пойменного леса, который надо было бы постоянно пересекать, переходя с одного борта долины на другой в местах, где река подрезала крутые склоны, что с оленями делать нелегко. В-третьих, за счет стекания с гор холодного воздуха и его последующего выхолаживания морозы в этой части речной долины бывают на 5°, а то и на все 10° ниже фоновой, при том что сама фоновая температура в этих местах даже в марте может достигать минус 35 °С, а в январе и вовсе опускаться до -50° и ниже. И это дополнительное охлаждение могло привести (да и приводило — сужу по опыту работы на Паропольском долу, где реки перемерзают насквозь) к образованию наледей, которые, как и густые заросли ивняка, создавали дополнительное препятствие для передвижения оленьего поезда. К тому же не стоит забывать, что время похода В. Атласова — период между 1645 и 1715 гг., соответствует максимуму «малого ледникового периода», а потому морозы в те времена были куда покруче нынешних.

Так что, скорее всего, отряд В. Атласова пересек Пенжинский хребет по веками набитой тропе, по которой он вышел к р. Энычаваям — правому истоку р. Таловки. Затем, следуя по тропе, идущей по долинам р. Энычаваям и ее левого притока р. Найвал-ваям, отряд подошел к перевалу Евъин-Энельхан, в северной части Ветвейского хребта (рис. 4). Кстати, при 278 м абсолютной высоты перевал, практически сливающийся с прилегающими долинами рек, явно не претендует на звание «высоких гор». Преодолев перевал, отряд попал в долину р. Вывенки, в те времена именуемой Алутора, или Олутора ([18], с. 61), а затем, двигаясь по ее долине, неизбежно выходил к району нынешнего национального с. Хаилино. Вернее, к тому месту, где оленные маршруты и пешеходная тропа от р. Алюторы поворачивают к р. Пылговаям — притоку р. Пахачи. И, следуя по ее долине, казаки отряда Л. Морозко сперва вышли к р. Пахаче (Погыче), а затем и к устью р. Апуки, где двумя годами ранее уже было поставлено ([10], с. 79; [20], с. 66) зимовье для сбора ясака, и повернули назад, к Камчатке.

Вот так, по моему мнению, отряд В. Атласова добирался до р. Алюторы. Достоверность (точнее, правомочность) предложенной версии маршрута отряда В. Атласова, помимо приведенных ранее свидетельств подтверждают еще два обстоятельства. Во-первых, об этом пути казаки знали. Знали как от предшественников, к тому времени объясавивших жителей долины рек Пенжины и северной части Паропольского дола, как от местных жителей, которых они расспрашивали буквально с пристрастием,

так и от того же Луки Морозко, прошедшего этим путем (или его частью) чуть ранее. А во-вторых, буквально сразу же после похода В. Атласова этот маршрут стал постоянным путем следования русских из Анадыря на полуостров и обратно. Во всяком случае, всего три года спустя после похода В. Атласова на Камчатку той же дорогой проследовал первый камчатский приказчик — боярский сын Тимофей Кобелев. А еще через два года этим же путем прошла группа служивых людей во главе с Андреем Кутыным, которые поставили шесть зимовий на р. Уке. Ну а в последующие времена, особенно после того как на р. Алюторе казаками был (дважды) построен Олюторский острог, этот маршрут и вовсе стал основным путем, связывающим Камчатку с Анадырем. Хотя иногда летом на Камчатку плавали морем до р. Лесной (а, возможно, и до Тигиля) на байдарках, построенных в устье р. Черной. А временами, в марте—апреле, когда спадали морозы и образовывался мощный наст, казаки, дабы обойти воинственных олюторцев, на собачьих нартах передвигались и по западному побережью Пенжинской губы.

Впрочем, на этом я и завершу до времени описание похода В. Атласова. И не столько даже потому, что более чем с лишком исчерпал положенный лимит объема статьи, сколько потому, что в походе его отряда по полуострову неясных мест также более чем предостаточно. Начиная с того, каким путем проследовал отряд самого В. Атласова от р. Алюторы на западное побережье Камчатки. И продолжая тем — сразу же от р. Кыгыл (Тигиля) двинулся отряд Атласовцев к р. Большой или все же после похода в долину р. Камчатки.

Дело в том, что, согласно С. П. Крашенинникову: «Морозко с Атласовым сошелся на Тигиле реке, а с Тигиля пошли они вперед подле Пенжинского моря, и дошли до Голыгиной реки, где из их партии убит один служивой, Голыгин прозванием, отчего оная река и по сие время Голыгиною называется, а на бою ли он убит или иным каким образом про то неизвестно.

От реки Голыгиной Володимер Отласов воротился назад и шел тою же дорогою, которую и вперед и, дошед до Ичи реки, зимовал.

Той зимы Морозко Старицын отпросился с двумя иными служивыми на Тигил для свидания с друзьями, от которых друзей они и убиты.

Володимер Отласов, перезимовав на Иче, перебрался на Камчатку реку, а шел он с Ичи до Хариузовой подле Пенжинского моря, а потом и вверх по Хариузовой до ее вершины» ([¹⁶], с. 749).

Тут есть о чем задуматься. Не означает ли сказанное С. П. Крашенинниковым, что отряд В. Атласова от Тигиля действительно шел «подле моря», т. е. сперва к р. Голыгиной, потом обратно к р. Иче и только на следующий год «дошел на Камчатку реку». И тем самым о том, в каком все же году — в 1697 или 1698 — попал отряд В. Атласова в долину р. Камчатки? А также о том, где — на реке ли Камчатке в 2 верстах выше устья р. Еловки, в специально отстроенном [¹⁵] для этого зимовье (кстати, сам В. Атласов о строительстве зимовья на реке Камчатке не говорит ни слова), или на р. Иче и когда, т. е. до похода на р. Большую или после, оставался тот же Лука Морозко «с товарищи», если вообще оставался? Однако для выяснения всех этих и прочих (выходил ли, например, В. Атласов или его казаки на берег «Бобрового моря») обстоятельств требуется по-новому переосмыслить большой объем накопленного на настоящий момент материала по истории первоначального освоения Камчатки.

Список литературы

- [1] Авдеев В. А., Измайлов А. А., Оситова М. Н., Соколов Ю. Ф. Русские землепроходцы и мореходы: Из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока. М.: Восниздат, 1982. 80 с.
- [2] Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку. ЛС. Т. II. М., 1957. 90 с.
- [3] Белов М. И. Подвиг Семёна Дежнева. М.: Мысль, 1973. 223 с.
- [4] Берг С. Л. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 358 с.
- [5] Берг С. Л. Великие русские путешественники. М.—Л.: Детская литература, 1950. 296 с.

- [6] *Воскобойников В. И.* Слово на карте. Петропавловск-Камчатский: Книжная редакция «Камчатской правды», 1962. 118 с.
- [7] *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971. 300 с.
- [8] *Иохельсон В. И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. Пер. с англ. СПб.: Наука, 1997. 237 с.
- [9] История Сибири. Т. 2. Л.: Наука, 1968. 538 с.
- [10] История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под руководством и общ. науч. ред. Н. Н. Дикова. М.: Мысль, 1989. 492 с.
- [11] Камчатка. XVII—XX вв. Историко-географический атлас. И.: Роскартография, 1997. 112 с.
- [12] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.—Л.: Главсевморпуть, 1949. 842 с.
- [13] *Крашенинников С. П.* Описание пути от Верхнего до Нижнего Камчатского отрога. Описание земли Камчатки. Главсевморпуть, 1949. С. 655—666.
- [14] *Крашенинников С. П.* Описание Камчатского народа. Описание земли Камчатки. М.—Л.: Главсевморпуть, 1949. С. 691—697.
- [15] *Крашенинников С. П.* О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей. Описание земли Камчатки. М.—Л.: Главсевморпуть, 1949. С. 740—748.
- [16] *Крашенинников С. П.* О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей. Описание земли Камчатки. М.—Л.: Главсевморпуть, 1949. С. 749—767.
- [17] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Том I. Санкт-Петербург: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. 438 с.
- [18] *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Том II. Санкт-Петербург: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. 319 с.
- [19] *Лебедев Д. М.* География в России петровского времени. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 383 с.
- [20] *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец Земли Камчатки. М.: Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. 192 с.
- [21] Митрополит Нестор (Н. А. Анисимов). Моя Камчатка. Записки православного миссионера. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор. Книжное издательство, 2003. 198 с.
- [22] *Орлова Е. П.* Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999. 197 с.
- [23] *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки: часть первая. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. 159 с.
- [24] *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки: часть вторая. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. 203 с.
- [25] *Сгибнев А. С.* Исторический очерк важнейших событий в Камчатке // Вопросы истории Камчатки. 2005. Вып. 1. С. 5—103.
- [26] *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки. Учебно-методологическое пособие. Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство. Камчатское отделение, 1992. 191 с.
- [27] «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 3 июля 1700 г. Землепроходцы. Т. 1. Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. С. 20—25.
- [28] «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля 1701 г. Землепроходцы. Т. 1. Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. С. 25—30.
- [29] *Стебницкий С. Н.* Очерки этнографии коряков. СПб.: Наука, 2000. 235 с.
- [30] *Степанов Н. Н.* Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки». Описание земли Камчатки. 1949. С. 13—84.

Петропавловск-Камчатский

Поступило в редакцию
30 октября 2007 г.